

Филатова Елена Владимировна

СИНТАГМА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Л. В. ЩЕРБЫ

В статье представлены взгляды академика Л. В. Щербы на синтагму. Синтагмой он назвал простейшее фонетическое структурно-смысловое единство при членении речевого потока. Впоследствии синтагма определена им как исходная недифференцированная синтаксическая структура, возникающая в сознании человека при порождении речи и являющаяся основой при её восприятии. Делается акцент на эволюции взглядов учёного на синтагму.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 181-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. **Bhatia V. K.** Worlds of Written Discourse. A Genre-Based View. London – N. Y.: Continuum, 2004. 254 p.
5. **Gotti M.** Investigating Specialized Discourse. Bern: Peter Lang, 2011. 230 p.
6. <http://missingmanuals.com/library.html> (дата обращения: 13.01.2013).
7. **Pogue D.** iPhone: The Missing Manual. Third Edition. Canada: O'Reilly Media, 2009. 418 p.

MISSING MANUAL AS VARIETY OF OPERATING INSTRUCTION: TO NOTION DEFINITION

Ul'yanova Ul'yana Aleksandrovna
National Research Tomsk Polytechnic University
uuu_07@mail.ru

The author considers the essence of genre variety of operating instruction Missing Manual from the perspective of pragmatic approach, determines the core of operating instruction genre and its periphery, traces the formation of this genre variety, analyzes compositional and language figuration of Missing Manual, and presents the classification of Missing Manual depending on the sphere of device (gadget) or software functioning.

Key words and phrases: operating instruction; recipient of instruction; genre variety; core of genre; periphery; composition.

УДК 81'367.4

Филологические науки

В статье представлены взгляды академика Л. В. Щербы на синтагму. Синтагмой он назвал простейшее фонетическое структурно-смысловое единство при членении речевого потока. Впоследствии синтагма определена им как исходная недифференцированная синтаксическая структура, возникающая в сознании человека при порождении речи и являющаяся основой при её восприятии. Делается акцент на эволюции взглядов учёного на синтагму.

Ключевые слова и фразы: сфера речи; синтагма; минимальная единица речи; исходная единица речи; синтагматическая структура; синтагматическое членение.

Филатова Елена Владимировна, к. филол. н., доцент
Донецкий институт туристического бизнеса (Украина)
taranushchenko@mail.ru

СИНТАГМА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ Л. В. ЩЕРБЫ[©]

В лингвистике растёт интерес к проблемам речи, что вполне объяснимо, так как именно речь выступает в качестве индивидуального варианта основного способа выражения результатов личного мышления, а также эффективного средства воздействия на людей. В связи с этим представляется актуальным и уместным вопрос об исходной единице порождения и восприятия речи и возникновении учения о ней, которое связано с именем известного отечественного языковеда – академика Л. В. Щербы, изучавшего в течение длительного времени синтагму как простейшую единицу речи.

Речь составляется автором из исходных речевых единиц в результате последовательного их наращивания и предполагает чёткую авторскую их делимитацию. Она не может быть правильно воспринята без адекватной делимитации слушателями и особенно читателями тех структур, из которых она составлена [9, с. 81]. В устной речи говорящий интонационно разграничивает её исходные единицы, чем способствует быстрому восприятию их значений и общего содержания речи. В тексте ситуация намного сложнее: делимитация исходных единиц осуществляется читателем самостоятельно. И чем больше она будет соответствовать авторской, тем точнее он поймёт содержание текста.

Минимальная единица речи заинтересовала Л. В. Щербу уже в начале его научной деятельности, многие годы он искал для неё наименование, пока не остановился на термине «синтагма». Согласно синтагматической теории, к появлению которой Щерба имеет непосредственное отношение, в качестве исходных единиц выступают синтагмы. Учение о синтагме в зарубежной науке развивалось под влиянием идей Ф. де Соссюра и его единомышленников [4; 5; 6]. Его испытали многие отечественные языковеды, автоматически повторяя некоторые сомнительные положения швейцарского лингвиста, не замечая у него очевидных противоречий [2; 8, с. 165-262]. Главный парадокс в его деятельности в том, что, декларируя необходимость разграничения языка и речи, он нередко сам смешивал эти сферы. Так, относя синтагму, речевую структуру, к сфере языка, он тем самым не различал речевые единицы и языковые, а следовательно, смешивал сферы языка и речи. Этот огрех характерен для многих его последователей – Ш. Балли, Э. Бенвениста, Ф. Микуша, С. О. Карцевского, Г. И. Скепской, С. Г. Тер-Минасовой и других лингвистов.

Вместе с тем учение о синтагме получило у некоторых отечественных языковедов иное направление. В качестве его пионеров выступили И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученик Л. В. Щерба.

Термин «**синтагма**» известен русской науке с конца XVI века. Им активно пользовался М. Смотрицкий, включив его даже в название своей Грамматики. Затем синтагма на долгие годы уступила место словосочетанию и предложению, которые стали основными единицами изучения. И только через 300 лет И. А. Бодуэн де Куртенэ возвращает данный термин в науку. Его возвращение было обусловлено необходимостью разграничения сфер языка и речи, важностью осмысления разного качества значения одного и того же слова в языке и в речи. Для слова в языке с его обобщённым значением учёный использовал термин «**лексема**», а для него же в речи (в предложении) – термин «**синтагма**». Однако в этом значении термин не закрепился в науке. Вместе с ним в тень ушли важные научные и методологические идеи – о необходимости реального, чёткого и последовательного разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых.

Однако термин не исчез: к нему обратился Л. В. Щерба. Впервые он появляется у него в статье «О частях речи в русском языке» (1928). Щерба считал, что речь строится не из отдельных слов, а из простейших речевых единиц. «Отдельные слова... отнюдь не даны нам в “речи”. Кратчайшими отрезками... являются “группы слов” (могущие, конечно, состоять и из одного слова), выражающие в процессе речи мысли единые “отдельные предметы”, в данной ситуации далее неделимые». Это – синтагмы [1, с. 48]. Вполне определённо и однозначно высказался он о словах и их месте в речи: «Кратчайшие отрезки синтагм, которые в том или другом контексте, в той или другой ситуации могут... играть роль самостоятельных синтагм, а то и целых, хотя бы и неполных предложений, мы называем отдельными словами» [Там же]. Так что слова, по мнению Щербы, это компоненты синтагм, и попадают они в речь комплексно, в структуре своих синтагм, следовательно, *их функции исчерпываются на уровне синтагм*. По мнению учёного, кратчайшие отрезки речи, на которые её можно расчленить, это синтагмы, а кратчайший элемент языка, который соответствует отдельному понятию, это слово. Он чётко разграничивал слова и синтагмы: у них разные сферы и статусы. Синтагма выступает как единица речи, принципиально отличная от слова (единицы языка), хотя она может материально совпадать со словом, сохраняя при этом статус синтагмы. Чаще она состоит из нескольких слов. Исследуя французскую речь, Щерба отмечал, что «французские синтагмы находят себе полную параллель в русских» [9, с. 77]. Эта структурная и функциональная параллель подводила к мысли о синтагме как общеречевой единице. Интересуясь вопросами структуры речи, Щерба ещё при исследовании восточно-лужицкого наречия определил термином «**группа слов**» минимальную фонетическую единицу речи, выражающую одно понятие. В качестве основных средств организации такой группы, по его мнению, выступали порядок слов, их формы и интонация, в частности ударение, которое в каждой группе всегда на самом важном в смысловом отношении слове. Учёный испытывал затруднение в наименовании этих минимальных структур. У термина «**группа слов**» был недостаток: он не соотносился с теми случаями, когда минимальная речевая единица была выражена одним словом. Поэтому Щерба вскоре заменил его термином «**фраза**», который по причине своей многозначности тоже не устраивал учёного. Поэтому он остановился на термине «**синтагма**».

У Л. В. Щербы нет отдельной работы, посвящённой синтагме (не считая небольшого доклада «О синтагме», прочитанного на семинаре в Московском институте иностранных языков в 1943 г.). Отдельные мысли о ней высказывались им в разных работах. Наиболее полно они представлены в «Фонетике французского языка» (1937 г.). Здесь синтагма – «**фонетическое единство** (*выделено нами – Е. Ф.*), выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний» [Там же, с. 80]. С его точки зрения, это более удачный термин, чем **группа слов** или **фраза**. Синтагма напоминает ему «дыхательную группу»: в ней тоже нельзя сделать паузу для вдоха, так как будет разрушено её содержание. Сочетаясь, синтагмы образуют фразу как законченную мысль, но в тех или иных речевых ситуациях фразу может образовать и одна синтагма [Там же, с. 81]. Для Щербы синтагма – категория речевой деятельности. Её нельзя смешивать со словосочетанием. Она элемент речевой, индивидуальный, творческий, тогда как словосочетание – элемент языковой, общий. Синтагмы, по мнению Щербы, вычлениваются из речи, в то время как словосочетание – «сцепление слов» – существует в языке в качестве номинативного средства.

Думается, данная мысль нуждается в уточнении. Так как речь порождается в результате *последовательного* наращивания синтагм, то на эти же синтагмы она членится при восприятии, причём только письменная речь, так как при устном общении порождение и восприятие речи, осуществляемые разными людьми, протекая одновременно, сливаются в единый процесс общения. Словосочетание не соотносится с идеей последовательности речевых единиц. Поэтому расчленить речь на словосочетания нельзя, их можно из неё только вычленивать, если они вообще в ней имеются (Ср.: *Ночь, улица, фонарь, аптека...*). Так что весьма сомнительна речепорождающая функция словосочетаний, которые, по мнению некоторых лингвистов, наряду со словами являются готовыми номинативными средствами для построения предложений.

Как отмечает В. В. Виноградов, у Л. В. Щербы нет чёткого разграничения синтагм и словосочетаний [3, с. 500]. Однако такого размежевания нет в лингвистике и сейчас. Некоторые языковеды используют эти термины как абсолютные синонимы (например, Н. Н. Прокопович), и это свидетельствует о том, что проблема синтагмы ещё так и не решена. Не всегда чётко разграничиваются у Щербы синтагма и речевой такт [Там же, с. 501].

Нельзя не согласиться с замечанием В. В. Виноградова, что «изложение учения о синтагме в “Фонетике французского языка” в общем было противоречиво. Оно могло подать повод к смешению синтагмы с “речевым тактом” и “дыхательной группой”» [Там же, с. 500]. Это действительно так, но применительно лишь к данной работе, если не учитывать последние доклады и неопубликованные заметки учёного. Но если рассматривать взгляды Щербы на синтагму в развитии, с учётом его неопубликованных рукописей, то, пожалуй, никто до него и после него не осветил её в такой полноте, как это сделал он, хотя сведения о ней носят у него фрагментарный характер. Главным, на наш взгляд, является то, что последние мысли учёного о синтагме вполне соответствуют речевой практике, а следовательно, и научной истине. Он определил основы синтагматической теории речи. Наиболее глубоко и объективно синтагма представлена в его последних ненапечатанных докладах и рукописных заметках. Он квалифицирует её как минимальную синтаксическую единицу речи, исходную речевую структуру, подчёркивает её прагматическую роль, видя в ней основу адекватного понимания читаемого текста. «В связной речи слышна лишь делимость на синтагмы и вовсе нет чёткой делимости на слова» [Цит. по: Там же]. Чтобы правильно понять текст, нужно осознать его синтагмы.

Симптоматично, что сведения о синтагме как недифференцированной синтаксической единице помещены у Л. В. Щербы в книге о фонетике. Уже традиционно синтагма рассматривается не в синтаксисе, а в фонетике. Её часто сближают (и смешивают) с речевым тактом. При этом ссылаются на Щербу, но почему-то не упоминают о том, что он переклассифицировал её из фонетической единицы в синтаксическую. Тем самым сознательно или невольно искажается его окончательное мнение о ней. Действительно, синтагма появилась у Щербы для обозначения минимального звуко-смыслового отрезка речевого потока, но затем она трансформировалась у него в недифференцированную синтаксическую единицу порождения и восприятия речи. И это естественно: прежде чем членить речь на минимальные содержательные единицы, её сначала нужно составить из этих единиц. Тогда членение будет естественным и закономерным. Можно будет проверить его соответствие авторскому варианту.

Исследуя синтагму в фонетическом аспекте, Л. В. Щерба прошёл длительный путь, придя наконец к выводу, что она вовсе не фонетическая, не языковая, а важнейшая, исходная, синтаксическая единица.

Небезынтересно, что он несколько скептически относился к предложению. Осознавая, что речь составляется из синтагм, а не отдельных слов, Щерба не проявлял особого интереса и к традиционному учению о членах предложения. Можно лишь догадываться о причинах его скептицизма. Во-первых, предложение является единицей письменной, т.е. искусственной, формы речи, и по этой причине не может считаться ни универсальной, ни центральной единицей речи. Даже при озвучивании текста с чётко выделенными в нём предложениями все они нивелируются, трансформируясь во фразы. Во-вторых, предложение нельзя считать исходной единицей речи, так как оно обычно имеет составную структуру и содержание, тогда как исходная структура должна быть недифференцированной. Но у предложения нет такого признака и нет такой функции. Это дискретная речевая единица, способствующая выделению в тексте всех его мыслей. Она не строится, а выделяется в тексте при наращении синтагм – по мере формирования мыслей.

Из последних высказываний Л. В. Щербы о синтагме закономерно вытекает вывод о том, что обучение чтению должно строиться на синтагматической основе, так как только такой подход гарантирует правильное понимание текста (из каких единиц составлен текст и его содержание, на их основе он должен и восприниматься: только в этом случае возможно его адекватное понимание). Чтение – это не просто воспроизведение текста вслух или про себя, это, прежде всего, точное восприятие его содержания. Учитывая, что основной объём знаний люди приобретают благодаря чтению, мысли учёного о синтагме получают особую актуальность и значимость.

Развитие учения о синтагме открывает широкие перспективы не только в теоретическом осмыслении основ порождения речи, но и в практическом формировании и совершенствовании всех видов речевой деятельности, и прежде всего чтения с адекватным пониманием содержания читаемого текста.

Список литературы

1. **Виноградов В. В.** Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880-1944). Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1951. С. 31-62.
2. **Виноградов В. В.** Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка: краткий обзор теорий и задачи синтагматического изучения русского языка // Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 88-154.
3. **Виноградов В. В.** Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы // Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 488-516.
4. **Влавацкая М. В.** Зарождение и развитие теории синтагм в зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2. С. 15-21.
5. **Влавацкая М. В.** Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 36-42.
6. **Скепская Г. И.** Введение в синтагматику. М.: Высшая школа, 1979. 136 с.
7. **Филатова Е. В.** Порождение, структурирование и восприятие речи и отношение к ним слова, словосочетания, синтагмы и предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 172-177.
8. **Филатова Елена.** Словосочетание и синтагма: сфера функционирования, статус, структура, интонационное оформление, смысловые и грамматические показатели и функции. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 612 с.
9. **Щерба Л. В.** Фонетика французского языка. М.–Л.: Учпедгиз, 1937. 256 с.

SYNTAGMA IN LINGUISTIC DOCTRINE BY L. V. SHCHERBA

Filatova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Donetsk Institute of Tourist Business (Ukraine)
taranushchenko@mail.ru

The author presents the views of academician L. V. Shcherba on syntagma. L. V. Shcherba called the simplest phonetic structural-semantic unity at speech flow division as syntagma. Subsequently syntagma was defined as the original undifferentiated syntactic structure that arises in the human mind in speech generation and is the basis for its perception. The author pays special attention to the evolution of scientist's views on syntagma.

Key words and phrases: sphere of speech; syntagma; minimal unit of speech; original unit of speech; syntagmatic structure; syntagmatic division.

УДК 81-26

Филологические науки

Автор исходит из широкого понимания категории таксиса, признает наличие таксисных отношений между процессно-событийными именами и финитным глаголом. Наиболее последовательно таксисная функция процессно-событийных имен проявляется в сочетании с предлогами в русском языке, с послелогами – в татарском языке. Статья посвящена обзору средств маркирования таксисных отношений процессно-событийными именами в русском и татарском языках.

Ключевые слова и фразы: таксис; таксисные отношения; процессные имена; маркеры таксисных отношений; предложно-падежные конструкции; падежно-послеложные конструкции.

Хасанова Миляуша Сахрегдиновна, к. филол. н., доцент
Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева
khasanova-milyausha@yandex.ru

**ПРОЦЕССНО-СОБЫТИЙНЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ[©]**

Статья печатается в рамках финансирования долгосрочной целевой программы «Основные направления развития образования и науки Тюменской области» и конкурса научно-исследовательских проектов среди аспирантов, молодых ученых и научных коллективов федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева».

Таксис – функционально-семантическая категория, предназначенная для оформления временной упорядоченности событий внеязыковой действительности средствами языка и отражением мыслительной деятельности человека, – является в некоем роде лингвистической универсалией. И в русском, и в татарском языках таксисные значения и средства их выражения образуют относительно целостную систему. Соотнесение номенклатуры таксисных значений и средств их языкового выражения позволяет сформулировать характерные особенности таксиса в исследуемых языках.

Таксисные отношения как в русском, так и в татарском языках маркируются именами существительными с событийной семантикой в состав которых могут входить как отглагольные существительные, так и прочие абстрактные существительные с процессной семантикой, которые в лингвистике именуется девербативами, отглагольными именами, именами действия, именами ситуации, предикатными именами и т.д.

В выражении таксисных отношений в целом участвуют имена существительные с общим значением процессности и событийности, которые нами будут обозначены как процессно-событийные имена. Следует указать, в татарской грамматике традиционно используется термин «имя действия». Имена действия обозначают «действие (состояние, процесс) в наиболее общем виде безотносительно к наклонению и времени» [15, с. 233].

Сами процессно-событийные имена не являются специализированными таксисными формами, но в различных предложно-падежных (падежно-послеложных – в татарском языке) конструкциях обозначают предшествующие, последующие или одновременные действия относительно действия, выражаемого финитной формой. Наиболее последовательно таксисная функция процессно-событийных имен проявляется в сочетании с предлогами/послелогами, поэтому более корректным обозначением для подобного именного средства предикации авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» считают термин «событийно-темпоральные синтаксемы» [6, с. 258]. Выражение таксисных отношений в предложно-падежных конструкциях, по мнению Н. В. Семеновой, «во многом становится возможным благодаря сохранению девербативом аспектуальных значений мотивирующего глагола... В целом же к факторам, определяющим актуализацию категориальных значений таксиса в сфере девербативных конструкций, следует отнести и семантику самого